

TERRA RASA

Виктор Лебедев

Terra Rasa

«Издательские решения»

Лебедев В. Р.

Terra Rasa / В. Р. Лебедев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934060-3

Сборник фантастики, диктующий уровень всему качеству современной прозы. Молодые, амбициозные, невероятно талантливые авторы предлагают вам погрузиться в свои уникальные миры, выбраться из которых невероятно сложно. Вы их полюбите.

ISBN 978-5-44-934060-3

© Лебедев В. Р.
© Издательские решения

Содержание

Анастасия Букреева	6
Ножницы	7
Terra Rasa	14
Екатерина Белоусова	23
Забота о пользователе	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Terra Rasa

Авторы: Ведёхин Алексей, Букреева Анна, Подымски Мишель, Нефёдов Никита, Безлюдный Владислав, Анакина Анна, Калюх Евгений, Лебедев Виктор, Ким Наталья, Морошко Сергей, Соколова Соня, Белоусова Екатерина

- © Алексей Ведёхин, 2018
- © Анна Букреева, 2018
- © Мишель Подымски, 2018
- © Никита Нефёдов, 2018
- © Владислав Безлюдный, 2018
- © Анна Анакина, 2018
- © Евгений Калюх, 2018
- © Виктор Лебедев, 2018
- © Наталья Ким, 2018
- © Сергей Морошко, 2018
- © Соня Соколова, 2018
- © Екатерина Белоусова, 2018

ISBN 978-5-4493-4060-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Анастасия Букреева

Драматург и писатель, выпускник магистратуры Российского государственного института сценических искусств по направлению «Театральное искусство». Член Союза писателей Москвы, лауреат ряда драматургических конкурсов. Автор таких пьес, как «Про дождь», «Томми», «Чужой», «Связь», «Яблочный заяц», «Каспер Сьюзи», «Щенок на люке» и «Игнат».

– **Анастасия, расскажите о себе.**

– С детства мечтала стать писателем. Столкнувшись с реальным миром, поняла, что не зря. Мы – волшебники.

– **Хорошо, а что скажете о ваших текстах?**

– Сейчас занимаюсь, в основном, драматургией. Но прозаические тексты также пишу с удовольствием. В жизни все смешно и грустно, поэтому мне нравятся противоречивые ироничные и очень печальные истории, от которых хочется смеяться.

Ножницы

Детей я хотела непременно много, а также собаку, большой уютный дом, домашний кино-театр и мужа... Я была уверена, что стану идеальной матерью и всегда буду другом своему ребенку. Родители слишком мало общаются со своими детьми, их внимание и время пропадают в черной дыре работы и быта. Со мною, думала я, такого не произойдет.

Но прошло несколько лет, и выяснилось, что моя жизнь совсем не похожа на мечту. Мать-одиночка, живущая в однокомнатной квартире с маленьким сыном. Нервный, уставший родитель, причем очень далекий от идеала. Зато наемным работником я оказалась образцовым. Смахнув осколки мечтаний, словно пыль с тумбочки, просто по горло увязла в офисном болоте.

Сына назвала в честь Александра Великого. Спроецировала на него свое несбывшееся светлое будущее и тоскливо наблюдала, как исчезают мои материнские надежды. Шурик оказался вовсе не гением, а вполне обычным среднестатистическим лентяем. И, судя по всему, не очень смелым.

– Я очень-очень ленивый, наполовину жадный, очень умный и очень-очень хороший, – самокритично признавался он.

А еще он наотрез отказывался лезть в драки, слыл тихоней и не нравился сверстникам. Я же любила его всем сердцем и хотела, чтобы он был счастлив. А для этого, полагала я, необходимо много и упорно работать. Нам нужна была более просторная квартира. У ребенка должно быть собственное пространство. И машина, которую можно купить в кредит, решила бы столько проблем. «Хочешь денюжку?» – спрашивала я себя и, сжав зубы, шла на работу.

Кто-то очень нехороший ввел в моду вкалывать сутками в бешеном темпе и при этом считать такую жизнь нормальной. Я ее нормальной не считала. Мир взрослых километровыми шагами стремился к своему логическому завершению. Так гонщик на своем болиде развивает смертельную скорость и разбивается в расцвете лет.

Мы сэкономили буквально на всем, чтобы собрать необходимую сумму на новое жилье. Денег на няню не хватало, поэтому приходила она три раза в неделю, забирала Шурика из школы и до моего возвращения занималась с ним уроками. В остальные дни мне нужно было отпрашиваться с работы, отвозить сына домой, а затем снова мчаться в офис. Я все чаще стала возвращаться за полночь. Шурик воспринимал это болезненно. Он стал капризным, раздражительным, что было так на него не похоже.

– Мама, когда ты приедешь?

– Не могу сказать, бусинка. Ты же знаешь, я работаю. Это очень важно.

– Мама, тетя Света не придет сегодня? Почему она не придет? Лучше пусть придет.

– Я знаю, что лучше, родной. Но сегодня она никак не может прийти, – скрепя сердце отвечала я. – Почитай книжку, посмотри мультики. Не волнуйся. Я скоро приеду.

– Ты всегда так говоришь, но не приезжаешь...

Шурик тихонько заплакал. Я понимала это по неровному дыханию в трубке. Он усиленно сдерживал слезы, и от этого было еще тяжелее.

– Шурик, ты – мужчина, и я полагаюсь на тебя. Понимаешь? Если не на тебя, на кого мне еще положиться? – я решила немного схитрить. В книгах по детской педагогике такие формулировки считались наиболее выигрышными.

– Я не хочу оставаться один.

– Малыш, но многие дети остаются одни. И ничего страшного не происходит.

– Мне не нравится тишина, – дрогнувшим голосом отвечал Шурик.

На самом деле ему было страшно, очень страшно. Он звонил мне на работу и лихорадочно начинал что-то рассказывать. Я не могла его остановить. А когда мне все же приходилось прерывать наш разговор, он звонил моей подруге или ее мужу и просто описывал все, что видел вокруг. В некоторых странах меня бы давно уже отдали под суд. Я оставляю своего маленького ребенка без присмотра, а это преступление. Только как же мне быть? Мои родители жили на другом конце страны, и отношения с ними были натянуты. У друзей свои заботы, на них рассчитывать не приходится.

Меня ведь тоже в детстве часто оставляли одну. Не помню никаких истерик или капризов со своей стороны. Никогда не любила вспоминать свое детство. Что было, то прошло. И хроническая усталость не позволяла думать о чем-то вообще. Однако очень скоро мне пришлось все вспомнить и глубоко задуматься.

Я вернулась домой в половине двенадцатого. Квартира была освещена, как новогодняя елка. И мне уже хотелось грубо упрекнуть сына за расточительность, но мое внимание привлекло нечто более интересное. В коридоре стояли две дырявые канистры с питьевой водой. Судя по всему, Александр Великий проткнул их каким-то острым предметом, и вода растеклась в разные стороны: в комнату и на кухню под плинтус.

– Шурик!

Две мысли вихрем пронеслись в сознании: не поранился ли он и как мне объясняться с соседями снизу.

Маленький негодник вскоре появился в проеме двери, бледный и несчастный.

– Шурик...

– Я не хотел, – с ходу заревел он.

– О Господи!

Накричать, поставить в угол, не давать мороженого целую неделю – что мне делать?

– Это протест, – с ходу сказала Линка.

– Это протест, – согласилась я. – Но против чего?

Линка – единственная душа, которая согласна слушать меня в любое время и по любому поводу. Она панически боится детей и очень любит говорить об их воспитании.

– Ты говорила с ним?

– Нет, он поревел немного и заснул. Со светом. Я не понимаю, чем он проколол канистры. Ножи все висят на месте. Шурик, конечно, мог залезть на табурет, снять нож, а потом повесить его обратно, но, пожалуй, это слишком.

– Может, ножницами?

– Они далеко лежат. Я проверила, все на месте.

– И что ты собираешься делать?

– Попробую взять часть работы на дом, – ответила я.

– С твоей работой не получится. Дорогуша, а ведь он только начал. Вот увидишь, Шурик поймет, как это действует на тебя, и все повторится снова. Дети похожи на щенков. Им нужна дрессировка.

– Моему сыну дрессировка не нужна. Не понимаю, почему он так трусит. Он нарисовал какого-то волосатого чудика в школе и сказал учительнице, что такой живет у нас дома. Она назвала его вруном. А Шурик расплакался, Линка... Ты же помнишь Шурика. Он никогда не был плаксой.

– А если это серьезно? У папы в роду были заболевания?

– Соображаешь, что говоришь? – разозлилась я. – Папа у нас, конечно, не очень, но нормальный. И Шурик нормальный.

– Слышит голоса, видит что-то... – продолжала Линка. – Вы бы к психологу сходили. Я же не говорю: к психиатру. Нечего наезжать на меня. Ты сама-то хороша...

Прежде чем как следует обозвать ее дурой, я задумалась. Линка, конечно, груба и неделикатна. Но это потому, что своих детей у нее нет. Ей не понять.

– Сколько ему лет?

– Восемь, – устало ответила я. – Он просто еще маленький, посмотрелся ужасов... Какая зараза могла ему показать? Я все каналы убрала, только про животных оставила и проигрыватель, чтобы мультики смотрел...

– «Доброе привидение Каспер» или «Охотники за привидениями»? Подожди, мамаша, давай мыслить разумно.

Мыслить разумно, по понятию Линки, значит несколько другое, чем у большинства нормальных людей. Временами она впадала в игриво-мистическое настроение и начинала нести откровенную чушь. Линку иной раз послушаешь и уверуешь, что Земля на самом деле плоская, как диск, и на ней стоят три гигантских слона, под которыми стонут страны третьего мира. Самый упитанный слон наверняка уселся на нашу. Я ждала, когда она выдвинет теорию, будто моя квартира – это портал между обителю живых и мертвых.

– Ты когда-нибудь слышала про третий глаз? – спросила Линка. – Способность видеть параллельную реальность?

– Третий глаз? Линка, ты с какой березы рухнула? Мне ты можешь извилины не пудрить. Что ты хочешь сказать?

– Ничего. Просто твой сын видит монстров. Ерунда какая, подумаешь...

В последний раз Шурик уверял меня, что в нашем туалете прячется чуть ли не Вий. Из самого темного угла комнаты вылезают существа, похожие на кикимор. А из унитаза может высунуться когтистая лапа и утащить его в канализацию. И мне даже пришлось несколько раз дежурить рядом с уборной и следить за тем, чтобы никто его не утащил.

Шурик утверждал, что весь прошлый вечер просидел под столом с церковной свечкой. Со свечкой он явно переборщил. На мой взгляд, все объяснялось просто. Ему было скучно сидеть дома одному и делать домашние задания. Он придумывал себе монстров, чтобы привлечь внимание. Даже к психологу ходить не надо. Только игра немного затянулась, и с этим нужно что-то делать.

– Знаешь, милая, сходи-ка ты куда-нибудь и отвлекись. Тебе полезно, – напоследок посоветовала Линка.

Пользы от Линкиной болтовни не было. Повесив трубку, я подошла к кровати сына. Шурик притворился, что спит: старательно зажмурил глаза и засопел в подушку.

– Ты не спишь, – сказала я.

– Мама, – зашептал Шурик, – а ты можешь уйти на другую работу?

– Ты же знаешь, мне нужно зарабатывать деньги. У нас пока нет выхода. Как мы будем жить? Нам нужно больше места. Кушать тебе надо? Одевать тебя надо? Подарки ты любишь? А если заболеешь? Помнишь, мы с тобой дом рисовали? Хочешь иметь свою комнату?

Шурик схватился за голову и, прикрыв лицо ладонями, отчаянно всхлипнул.

– Когда ты подрастешь, ты поймешь, как это важно.

– Да не важно! Ненавижу твою работу и тебя ненавижу, – закричал он и накрылся одеялом.

– А ну-ка повтори, что ты сказал! – опешила я.

Шурик, видимо, и сам не понял, что сказал, и очень испугался. Я была против любого насилия над ребенком, но от постоянного стресса и недосыпа нервы начинали сдавать. Раз с отцом нам так не повезло, значит, мне придется сыграть роль главы семейства. Линка считала, что без ремня в педагогике обойтись нельзя. Особенно, если речь идет о мальчишке.

С ее жестким утверждением о мальчишках, которых нужно душить при рождении, я была категорически не согласна. Гораздо охотнее я бы придушила пару девочек. Они систематически издевались над моим чадом в классе. Потянувшись за ремнем, я замерла на месте. Со дня

рождения Шурика я поклялась никогда не поднимать на него руку. Что же сейчас произошло со мной?

Шурик вцепился в одеяло мертвой хваткой и в итоге вместе с ним оказался на полу. Я хотела обнять его, но он не понял и в любую секунду готов был зарыдать. На голубой простыне я заметила какой-то предмет и потянулась к нему. Это были большие старые ножницы, которые давно считались пропавшими. Как они оказались в кровати сына?

– Шурик, ты что, спишь с ножницами?

Шурик молчал.

– Это ими ты проткнул бутылки?

Шурик молчал.

– Александр, посмотри на меня, пожалуйста! Чтобы больше никогда не видела тебя с ножницами, ты меня понял? Надо будет для школы, попросишь меня.

– Я... ничего не делал, я... ничего не протыкал, – сбиваясь, захныкал Шурик.

– А кто же, по-твоему, это сделал? Чудовище из унитаза? Меня достали твои сказки. Не хочу больше их слушать, понятно? Не хочу больше слушать.

– Мамочка, почему ты не веришь мне?

– Потому что это чушь. Потому что ты все придумываешь, чтобы не оставаться одному. Ты мальчик, ты должен быть смелым.

«Какого черта, – тут же подумала я, – ничего он не должен».

В выходные мне позвонил старый приятель – выцветший призрак из прошлого. И, поддавшись уговорам, я позволила увести себя в какой-то неказистый ресторанчик. От двух бокалов вина неизвестного происхождения мир значительно похорошел. И хорошел он до тех пор, пока не раздался телефонный звонок.

– В чем дело, Шурик?

– Мама! Мама, куда ты положила ножницы?

– Никаких ножниц, Шурик! Немедленно ложись в кровать, ты меня слышишь?

– Мама, где ножницы?

– Иди спать. Я скоро приеду.

Мне показалось, у него стучат зубы от ужаса. Словно он находился не в теплой уютной квартире, а в самой преисподней. Я помню, что спрятала ножницы подальше в гардероб. Шурик не найдет их. Мое беспокойство необоснованно. Что с ним может случиться? Неужели он верит в чудовищ? Или вдруг он действительно видит? Почему я сама не помню своих страхов? Мне не хотелось больше думать об этом. Я работала как проклятая и имела право на личную жизнь хотя бы иногда. А Шурик – будущий мужчина, нельзя потакать его капризам.

Ресторан похож на склеп, где люди говорят полупрошепотом и не могут разглядеть содержимое своих тарелок. Я уже немного пьяна, и с непривычки действительность кажется мне слишком медленной, будто в специальном видео-режиме. Откинувшись на спинку стула, равнодушно наблюдаю, как официантка проливает кофе на белоснежную рубашку моего ухажера. Он страшно рассержен и ужасно боится выглядеть смешным. Зря боится, его уже ничего не спасет.

Чего боюсь я? Потерять Шурика. Ничего не может быть страшнее. Чего боится Шурик? А Шурик боится чудовищ, которые живут под кроватью и в канализации, а возможно, даже в кухонных шкафах. Он повзрослеет и перестанет бояться. Это дело времени, естественный процесс, незачем лезть в него. И Линка сама пусть ходит к психологу, мой ребенок – совершенно нормальный. Ему помощь не нужна, по крайней мере, не от врачей. Ему просто страшно, только и всего. Все дети боятся оставаться одни.

И точно ли я не помню своих страхов? Или просто боюсь о них вспоминать? Каждый ребенок проходит через это. Однажды наступает момент, когда родителей нет рядом. Пустая квартира, вечер. Шурик не мог жить без телевизора, он всегда работал, когда меня не было. Он

говорил, что телевизор отвлекает их. Отвлекает чудищ... Что еще отвлекало их? Ножницы... Они ведь были еще раньше. Лежали в моей кровати. Зачем я прятала ножницы? До сих пор чувствую холодную сталь лезвий, овальные ручки, выкрашенные в крокодиловый цвет. Огромные, тупые, надежные, на белой простыне под одеялом. Они защищали меня.

– Я сейчас вернусь! – буркнул пострадавший ухажер и уполз в уборную.

Конечно, пусть ползет отстирывать заляпанную распашонку. А я пока посижу на узком подоконнике в своей комнате, как в старые добрые времена. В отличие от Шурика у меня была своя комната, уютная, светлая, с кучей игрушек, разбросанных повсюду. В руках я держу книгу с картинками, пытаюсь читать, но это только для видимости. В доме никого нет, но Кузя, наш кот, все выслеживает кого-то. Носится по коридору, замирает, прячется, шипит и забивается под диван. Он сидит очень тихо, и мне начинает казаться, что он пропал и больше не вернется.

В окне можно увидеть людей, и вроде бы не так страшно коротать время в пустой квартире. Я прислушиваюсь к каждому звуку с улицы, чтобы не слышать навязчивые скрипы и приглушенное шипение. Чудовища бывают в страшных сказках, которых я не читаю. И здесь их не может быть. Папа говорит: их не может быть никогда. Наконец, я оставляю подоконник и решаюсь поиграть в родительской комнате. Боковым зрением я хорошо вижу темную глотку коридора. И как это ни странно, он совершенно пуст.

Только мне почему-то безумно тяжело повернуть к нему голову. И я делаю вид, что собираю конструктор, то и дело замирая от ужаса. Я строю дом из желтых, красных и зеленых пластмассовых кусочков. Руки не слушают меня. Домик получается грустным, неустойчивым. Ни одна кукла не стала бы в нем жить. Где мои ножницы? Куда папа их положил?

Я глубоко вздыхаю и почти верю в хороший конец. И вдруг из кухни доносится характерный шум выдвигаемого ящика. Я еще не знаю, что от ужаса можно поседеть, но догадываюсь о чем-то таком. Все мое существо от внутренностей до кончиков пальцев покрывается колючей коркой невыносимого страха. Опасаясь выдать свое присутствие, осторожно забираюсь на кровать и накрываюсь одеялом с головой. Рядом с подушкой лежит цветная керамическая тарелка.

Ее хорошо видно из моего убежища. Пошевелиться я не могу. Только в каком-то диком оцепенении наблюдаю, как на нее ложится черная уродливая рука с длинными пожелтевшими когтями. Зажмурив глаза, я молюсь о том, чтобы на тарелке ничего не было. Открываю глаза – рука не исчезла. И так я лежу два часа или три или даже четыре в одной застывшей позе и повторяю про себя, как мантру: «Придет серенький волчок и укусит за бочок...».

Я засыпаю, но, к несчастью, ненадолго. В первую секунду мне непонятно, где я нахожусь. Во время сна было жарко, я скинула одеяло, и теперь моя голова ничем не защищена. Чудовище могло добраться до нее. С полок щегинятся ободранные корешки книг. Свет от лампы окрашивает мир в тон пропавшего абрикоса. Рука больше не лежит на тарелке.

Я готова верить, что все это сон. Так скажут взрослые, а им по какой-то причине всегда следует верить. Но в прихожей что-то происходит. Кто-то царапает замочную скважину. В ледяной тишине позднего вечера сердце стучит с таким надрывом, словно напичкано взрывчаткой и вот-вот рванет. Мне кажется, я в кого-то превращаюсь. Перестаю узнавать свои пальцы, они тонкие и дряблые, как у курицы.

Придет серенький волчок...

Сжавшись в комок, я жду расплаты за то, что не была хорошей девочкой. Нечто липкое и темное касается моего плеча. Мне плохо до тошноты. В эту минуту я желаю только одного: быстрого и безболезненного исчезновения. Я больше не хочу быть. Но вот хлопает входная дверь, и я слышу мамины шаги. И бросаюсь к ней на шею так, будто не видела целую вечность. Она ведь даже не подозревает, что своим появлением спасла мне жизнь.

Шурик трубку не снимал. Длинные гудки били по вискам, током проходили по нервным окончаниям. Где он?! Уснул? Я спрятала все ножи и ножницы в гардероб. Шурик не сможет их найти... Мне стало дурно... Мой сын один дома, без ножниц, без ножей – безоружный.

Не попрощавшись, я выскочила из кафе, поймала такси и позвонила Линке. Я была не в себе. Мне срочно нужно было знать, помнит ли она что-нибудь подобное.

– Ну чего тебе надо? – сонным голосом отозвалась Линка. – Не помню я ничего такого, деточка. Ну, страшно было. А как же? Мне казалось, кто-то бродит по нашему чердаку.

– Ты его видела?

– Кого? – вздохнула Линка.

– Того, кто бродит. Линка, ты помнишь что-нибудь странное из детства? Напрягись...

– Да. Помню, прилетал Питер Пен. Или, может, это был Карлсон...

– Линка!

– Хорошо-хорошо. Странное? Ладно. Когда мне было лет пять, я видела Пушистика. Ну, я его так называла. Думала, крыса... только очень крупная и вся в длинной шерсти такой пушистой. Знаешь, если бы мои его увидели, прибили бы точно. Но они его не видели, вот в чем дело. Привиделось просто. Дети себе часто невидимых друзей создают. Чуть. Быстро прошло.

– Пушистик? Ты серьезно?

– А я почему знаю? В этом возрасте все сказки былью кажутся. Ты только представь, дети на новогодних утренниках ведь, правда, думают, что к ним Дед Мороз пришел.

– Вдруг он, правда, настоящий...

– Алло... Эй, мне приехать к тебе, эй?

Они думают, Дед Мороз настоящий. Они так думают. Как же это все влияет на них? На моего Шурика, на всех, кому меньше десяти? Дети не зря боятся оставаться одни. Говорят, они, как животные, видят больше, чем обычные люди.

Мне было трудно дышать. Казалось, тьма и воздух – это одно и то же. Из-за перепада напряжения выбило пробки. Я убеждала себя, что именно поэтому нет электричества. Дверь в комнату была закрыта. Возможно, Шурик, действительно, спал. Однако все попытки открыть дверь оказались тщетны. Ее кто-то держал изнутри.

– Шурик! Немедленно открой, слышишь? – не своим голосом закричала я. Шурик не отвечал. В комнате послышались возня и топот.

– Шурик!

– Я здесь!

Сын внезапно выскочил из темноты и крепко схватил меня за руку.

– Где ты был?

– В шкафу с кастрюлями.

– Если ты здесь, то кто же там? – тихо спросила я.

Шурик решительно потащил меня к выходу. Нет бы послушаться сына и уйти прочь, но мне хотелось знать, что происходит в моем доме, знать наверняка. Отстранив его, я снова навалилась на дверь, и она тут же распахнулась передо мной.

– Мама, не ходи туда! Мама! – завопил Шурик.

Что-то втолкнуло меня внутрь, и очнулась я уже на ковре среди остатков башни «Lego». Шурик отчаянно бился в закрытую дверь, а я боялась обернуться. Он вовсе не трус, если пытается спасти меня. Повернувшись на бок, я увидела ее, черную, длинную, с желтыми когтями. Она лежала так близко!

Теней вокруг становилось все больше. Я знаю, эти сущности рядом со мной. Стоит только повернуть голову – и я их увижу.

– Господи, только бы найти... – молилась я, вцепившись в свою сумку, как в единственную надежду на спасение. Там, на самом дне бокового кармана, во французском фирменном наборчике, лежало заветное оружие против ночных чудовищ.

– Вот! – зажмурившись от страха, я резко выставила вперед маленькие маникюрные ножнички.

Иногда от ужаса внутри бывает холодно и щекотно и можно реально почувствовать, какой громкой бывает тишина. В тот момент, когда мир замолкает, разрываются барабанные перепонки. От боли хочется свернуться клубком и закрыть все мягкие уязвимые места.

Мне показалось, прошла тысяча лет, прежде чем я пришла в себя. Шурик сидел рядом и гладил меня по голове. Руки мои дрожали, и душа все еще желала удрать из перепуганного тела. Господи, как это могло случиться со мной? Ведь того, во что не веришь, не бывает. Это закон... Сквозь плотно задернутые занавески пробивались равнодушные лучи нового дня. Наверно, где-то прокричали петухи, и вся нечисть по традиции отправилась в ад.

Через месяц мы переехали на другой конец страны, где скучной счастливой жизнью жили мои родственники и старинные друзья. «Здесь тоже люди живут, мама. Поверь, нам будет хорошо», – сказал Шурик, когда мы переступили порог ветхого одноэтажного домика на окраине.

И я ему поверила. Большие крысиные бега для меня закончились. Огромный город с колоссальными возможностями, люто ненавидящий живущих в нем людей, остался далеко позади, так же как и ночные чудовища Шурика. Того, во что мы не верим, не существует. Таков закон. Но иногда он не работает. Дети точно знают это, а взрослые всегда требуют доказательств.

Terra Rasa

Поезд мчался с такой бешеной скоростью, что мне периодически закладывало уши. Воронез мы проехали за пару минут. Вернее, то, что от него осталось. На том месте, где разливалась река, зиял пустой котлован. Огонь наелся человечины и отступил на время.

Раньше, когда поезда ходили медленнее, я любил смотреть в окно на деревушки и домики с желтыми окнами, леса и поля. Банально до тошноты, но все же Родина моя. Особенно мне нравилась дорога у подножия гор, по которой к морю и обратно носились адлерские поезда. Теперь не было ни дороги, ни Адлера. А иногда казалось, что и гор больше нет.

Несмотря на кондиционеры, хотелось раздеться до неприличия. В депо вагоны покрывали специальным «антипригарным» раствором. Но этого было недостаточно. Поэтому из специальных резервуаров их поливали водой, непригодной для питья.

Купе должны были укомплектовать полностью, однако в вагоне оказалось много свободных мест. Напротив меня сидела бабулька с внучкой. Рядом толстяк в галстуке и рубашке с длинным рукавом. Потную физиономию его я помню. В телевизоре светилась неоднократно и по разным поводам. Бабка сидела нервная. И священник наверху – мрачный, как последний прогноз синоптиков. К вечеру он стал петь псалмы.

У бабки было такое лицо, будто сейчас возьмет и достанет из корзинки жареную курочку, вареные яйца и свежий огурец. Я чуть было слюной не подавился от этих мыслей. Но та, к счастью, сидела спокойно и ничего доставать не собиралась. Не знаю, что бы со мной было, если бы достала.

– Вы едете в Мурманск? – спросила она так, как будто были другие варианты.

– Да, к заливу.

Оттуда все суда сейчас шли к полюсу. И она, конечно, знала об этом. Вопрос заключался лишь в том, как туда попасть. Люди не думали о еде или крыше над головой. Главное, что они будут пить. А там снег, там лед... А значит, спасение. Да вот только кораблей в заливе почти не осталось.

– Откуда вы? – поинтересовался я.

– Из Саратова.

Саратов, Волгоград и все, что около, погорели первыми.

– Деньги у вас есть?

– Сгорели, – смущенно ответила бабка.

В мире, действительно, почти не осталось денег и, видимо, мы все попали в рай, но только не поняли этого. Про родителей ребенка, сидящего напротив меня в какой-то кукольной застывшей позе, я спросить не решился.

– Я всякое ведь видела. Всё видела... И войну, и голод. Но такого не было.

– Всё правильно. Это нам не просто так послано, – проснулся священник.

Ох, ну сейчас начнется про гнев свыше, про конец света и прочее. На этой почве еще в самом начале у моего начальника основательно поехала крыша. Пришло ему в голову одним очень жарким утром, что покаяться нам надо. Всех заставил в церковь бежать. А на следующий день сгорела церковь. Что с ним стало, я не знаю. Эвакуация шла, как обычно, в полной неразберихе.

– Не надо мне тут про Бога говорить. Неправильный он, если такое допускает... – злобно проворчала бабка. – И что вы тут делаете, спрашивается? Горели бы вместе с прихожанами вашими...

Я решил в религиозные споры не лезть. Понятно, что так просто на поезд не попасть. Это был последний «Сапсан», пущенный с южного направления. Все аэропорты давно закрылись.

Сначала по глупости, а затем и по необходимости. Допустим, что бабулька с внучкой пробралась сюда каким-то настоящим чудом. А священник?

Я-то знал, моя командировка – в один конец. Начальство самоотверженно сбежало в Сибирь, где, к слову, тоже бушевали пожары. Только температура была чуть ниже. Именно поэтому многие говорили, что во всем виноват Господь Бог. Мол, это только он мог сделать так, что горит даже то, что гореть не должно. А по мне, так он здесь ни при чем. А кто виноват, я так и не понял. И некогда было думать об этом.

В конце вагона кто-то громко зарыдал. А между всхлипываниями повторял, как заведенный:

– Куда идет этот долбаный поезд?!

Ясно куда: в конец тоннеля. А там вовсе не свет. Мы все очень ошибаемся на этот счет.

– Ночь, улица, фонарь, аптека... – бормотал я, нервно улыбаясь.

Люди поделились на два вида смертников – веселых и депрессивных. Я же был смешанным типом. Меня лихорадочно бросало из одной крайности в другую, как туберкулезника от состояния эйфории до предчувствия конца. Все улицы и фонари с аптеками давно превратились в пепел. Хотелось курить, но бросил, как только началась жара. От сигарет першило и резало горло. Тогда многие бросили, почти все, кого я знал. Тяжело было держать в руках спички или зажигалку.

За окнами плыл унылый пейзаж сгоревших лесов и деревень. Их контуры иногда прорисовывались сквозь свинцовые стены дыма. А кое-где виднелись рыжие пятна пламени. Огонь носило из стороны в сторону. И после его прогулок не оставалось ничего, кроме серо-черного праха.

– Все будет так. Исхода нет...

Осень в тот год пришла очень поздно. Стали опадать листья, но не от увяданья. Все ждали зимы, а она так и не наступила. Ее ждали и в следующем году. А потом перестали. Пришла великая жара...

Пропали из продажи кондиционеры, и вежливые девочки из супермаркетов бытовой техники виновато извинялись за это. Извинялись недели две, пока не исчезла телефонная связь и электричество. Магазины стали закрываться. Литр чистой питьевой воды стоил целое состояние. Подземные источники постепенно пересыхали, а реки и озера с каждым днем становились все меньше и меньше.

Люди обращались в первобытное состояние медленно, но необратимо. Они возненавидели друг друга и за каплю влаги готовы были на любую подлость. Более или менее нормальные пошли в добровольные спасатели. Хотя все прекрасно понимали – бесполезно это. Я нормальным не был, но тоже пошел и тоже понимал. Необходимо было чем-то занять мозги и обезвоженное тело, чтобы не погибнуть от тоски.

Засуха и постоянные пожары привели к нехватке продовольствия. Только дефицит воды оказался серьезнее. Правительство распорядилось вскрыть все основные запасы, о которых население и не подозревало. Когда нет будущего, зачем думать о нем? Повсюду валялись консервные банки с неизвестной маркировкой и белыми этикетками. Содержимое всегда было теплым и безвкусным, но главное, не тухлым. Иногда меня тошнило, и я почти ничего не ел. Только от злости, наверное, находил в себе силы барахтаться дальше.

Самое страшное из всего, что я видел – это горящие люди. Они возгорались как будто сами. Попадали в огненные смерчи и погибали за минуту. Но иногда казалось, что смерч здесь ни при чем. Идет человек, скажем, по тротуару, и вдруг воздух вокруг него начинает плыть и потрескивать. И таким живым, осязаемым становится, будто потрогать можно.

И там, в прозрачной медузовой массе можно было разглядеть какие-то странные образы. Так говорили... Красивые, тонкие миры из атомов. Все, кто видел эти миражи близко, уже не могли рассказать об этом. Мне снились кошмары почти каждую ночь. И каждый раз я просыпался холодный и мокрый от ощущения убийства. Огонь убивал меня всего. Вместе с телом сгорала душа. А утром мне казалось, что мы в аду и что в аду мы на веки вечные.

Я сидел напротив старухи и думал, а точно ли она понимала, как ей повезло. Поезд шел без остановок. Но перед этим на самой последней, творился, наверное, такой же ужас, какой был на тонущем «Титанике». По какой-то идиотской традиции, как лодки с «Титаника», поезд ушел незаполненным. Все, кто остался позади, мертвы. Связи с городами больше не было. Нет связи – нет жизни.

– Внимание! Опасная зона! Внимание! Опасная зона! – затрещал приемник тревожным металлическим голосом. – Просим всех занять свои места, лечь на кровать и надеть противогаз!

Можно сказать, я его не снимал. Этот резиновый урод висел у меня на плече, как домашний питомец. Пока ты живешь в нормальных условиях, тебе не понять, что такое угарный газ, от которого уже почти нигде не спрятаться. А еще для полного счастья – радиоактивное облако, накрывшее весь центр. Горели АЭС, горели ядовитые леса и болота.

– Бабушка, а зачем нам нужно ложиться?

– Сказали лечь, значит, ложись! – рассердилась бабушка.

Сверху она накинула на девочку одеяло. И смотреть на это я просто не мог.

– Вы бы еще шерстяные носки на нее надели. Перегреете до смерти.

– Зато ни одна зараза не проникнет.

– Противогаза достаточно.

– А вы почему знаете?

– Я – спасатель.

– Много вас таких. Полстраны, если не больше. Такой же вот, как вы, у нас чемодан спер.

– Таких же не бывает. Я один такой уникальный.

– Да, уж конечно, один. Конечно...

Проходимцев было много и до пожаров. Но после они стали еще агрессивнее. Только сейчас вместо кошельков и драгоценностей им нужна была вода и кое-что еще.

Толстяк у нас долго не просидел. Как проехали опасную зону, переселился в соседнее купе. Там ехала какая-то женщина, за которой он, видимо, хотел приударить. Я ее даже не видел, но чувствовал терпкие дорогие духи. И удивился, что люди могут думать о таких вещах – о парфюме, о галстуках... Впрочем, из-за отсутствия душа, может, и нужно было иногда об этом думать.

Напоследок толстяк пригрозил:

– Сейчас пойдут. Они... У вас пропуска есть?

Они – это голодные полицейские с серыми лицами, которые проверяли наличие паспортов и спецпропусков. Бабка сильно напряглась и нахмурилась.

– У вас есть? – спросила она.

– Допуск везде, – мрачно ответил я.

А сам задумался, могла или не могла старушка умертвить меня из-за этой бумажки. И если могла, то как именно. Допуск «везде» всего лишь означал реальный шанс на спасение. Неудачная попытка чиновников упорядочить процесс эвакуации. За заслуги перед отечеством выдавались пропуска третьего, второго и первого уровня. Отметка «везде» – большая редкость. Это подороже бутылки воды будет. И получил я ее по чистой случайности.

Сам того не ожидая, спас какую-то большую шишку из Ленинградской области, и та оказалась благодарной. Я нашел его, обожженного, в канализационном люке. Он туда забрался, когда сгорел весь его элитный поселок. Как он успел это сделать, ума не приложу. Там даже

дышать было нельзя. Таким раскаленным стал воздух. О том, что люди иногда забираются в люки, я знал по собственному опыту. Сам сколько раз прыгал в них, спасаясь от огненных смерчей. Но под землей почти нет кислорода и дыма не меньше. Долго бы он не протянул.

Наша часть уходила, и медлить, действительно, было нельзя. И дернуло же меня напоследок проверить подземелье. Спустившись вниз, я сначала ничего не увидел, хотя ожидал встретить пару трупов. Только было у меня чутье, что ли, какое-то на жизнь. Я уже направился к лестнице, но почему-то вернулся. И на мужика этого едва не наступил. Он лежал под трубой и ловил ртом воздух, как выброшенный на сушу окунь с выпученными от страха глазами.

Я никогда не расспрашивал потерпевших ни о чем. И интересно мне особо не было. Это дело психотерапевтов. Но тут деваться было некуда. Жену свою он спасти не сумел. Приехал, а дома уже нет. А тут вихри по всему поселку. Телохранилитель погиб сразу, а ему повезло. Он не думал никогда, что такое может быть. Он не предполагал, что все так страшно. Его никто не предупредил. Иначе бы он принял меры. В этом месте я только улыбнулся.

Никаких мер эта действительность не понимала. Все попытки остановить пожары оказались тщетными. Но этот тип столько лет у власти. Он привык, что заклинание «мы примем меры» всегда срабатывает. Принять меры – это, как правило, просто изобразить какую-нибудь деятельность. Раньше этого было достаточно, но не сейчас. Тогда официальной информации о размерах бедствия не было или она аккуратно замалчивалась... Поэтому я не удивился тому бреду, который нес чиновник.

Я бы сказал, что он не сильно расстроился из-за гибели жены. Этому человеку беда принесла облегчение. Возможно, он уехал в Сибирь или на Аляску. Да хоть в космос... Мне все равно, кого спасать. Он записал мое имя. А через неделю меня нашли и доставили в военный штаб. Там поколдовали немного, сняли отпечатки пальцев и вручили счастливый спецпропуск.

Их в то время только ввели в обращение. Красивый такой пластиковый квадрат с пронумерованным бумажным приложением. Большая редкость, как потом оказалось. Все равны, но ведь всегда есть те, кто равнее. С ним я мог проходить куда угодно. Пластик был снабжен биометрическим чипом. Подделать такой сложно, хотя некоторые умельцы успешно справлялись с этой задачей. Если бы бабка убила меня за пропуск, вряд ли она смогла бы им воспользоваться. По крайней мере, без моего согласия. Но знает ли она об этом?

Целый час она молча пялилась в серый дымящийся туман за окном. Сейчас таким вся планета окутана. Я догадывался, о чем думала бабка. Конечно, несправедливо, что допуск у меня, а не у нее. Люди всегда так думают. Чем я лучше других? Мне просто повезло чуток больше и всего-то... А у нее ребенок, которого надо спасать. Нет, я правда, понимал ее.

Священник лежал на голой койке тихо, без эмоций. И мне его, сказать честно, было очень жаль. Во-первых, из-за бабки-атеистки. Во-вторых, из-за того, что он Бога-то предал... Свою шкуру решил спасти и прикрывается тем, что дескать, кто же будет слово Божие распространять среди выживших. А хоть распространяй, хоть нет, среди выживших Бога не будет. Ведь кто выживет-то? Тот, кто пролезет на «Ноев ковчег». А кто пролезет? Тот, кто и раньше везде пролезал. То есть шваль...

За дверью послышался шорох и возня.

– Они высадят нас, – тихо сказала бабка. У нее не было вообще никаких пропусков – ни третьего, ни второго. А просто паспорт нынче не документ.

– Куда? – усмехнулся я. – Останавливаться нельзя. Им некуда вас деть.

– Зачем же они проверяют? – испуганно спросила девочка.

– Так положено, – ответил я.

– Куда положено? – не поняла она.

– Ты знаешь, что бывает, когда наступает паника? Что такое паника знаешь? Во всем всегда должен быть порядок, понимаешь? Вот почему у тебя сандалики в разных углах валяются?

– А хотим и валяются, – вступилась бабка. – Чего вы к ней цепляетесь? Не обращай внимания, зайка.

Зайка... Как-то пошло это, будто имени у нее нет.

– Сердце сдавило...

– Не волнуйтесь. И зайку не волнуйте, – посоветовал я с невеселой иронией.

Бабка отмахнулась.

– Вы же знаете, какие они. Вы же знаете...

Да, я знал. Нормальных полицейских почти не осталось, они погибали первыми. Мы их звали «понтами». Всё чаще попадались полицаи или «оборотни» – нелюди, одним словом. Такие типы от взяток и власти борзели. Как вампиры, высасывали чужие жизни и таким образом пытались сохранить свои.

Я подумал и посадил девочку на колени. Она была легкой, как плюшевый медведь. Раньше я никогда не задумывался над тем, хочу ли я детей. Раньше – скорее нет, чем да. Но сейчас всё по-другому. Так вот – хочу.

– Да не волнуйтесь вы, – повторил я. – Им некуда высаживать. Разве что на полном ходу... Вообще-то я не был уверен. В наше время ничего уже нельзя сказать наверняка.

– Бабушка, я боюсь.

– Так...

Резко встав, я поднял крышку нижней полки.

– Залезай! И чтоб тихо.

Бабка туда не поместится, а девочку они не найдут.

Схватив ребенка за руку, бабка долго не могла ее отпустить. Плохо дело. Не к добру всё это. Очнулась она только тогда, когда кто-то тронул дверную ручку. Дверца у нас заедала. Поэтому, к счастью, мы успели закрыть полку и даже бросить на нее матрац с сумкой.

Полицейские вломились к нам без лишнего шума. Бабка не сопротивлялась. Сопротивлялся я. Она просто впала в ступор и смотрела на них безразличными глазами. Я же молился только об одном: чтобы девочка в багажном отделении не заплакала от ужаса. Получив прикладом по плечу, я сел и сдался. Довод о том, что нам всем крышка в любом случае и ближним надо помогать, не помогал... У этих людей больше не было начальства, а привычка осталась.

Всё же старушка успела сказать мне: «Спасите!». И «оборотни» подумали, что она говорит о себе. Как будто я сам уже не понял. Это слово я слышал сотни раз. Священник на верхней полке только испуганно хлопал глазами и сочувствовал изо всех сил. Я хотел было спросить, куда они ее уводят и что собираются сделать, но передумал. Правду «оборотни» все равно не скажут. А если скажут, то будет еще страшнее.

У толстяка в коридоре они отобрали пропуск, несмотря на то, что он махал перед их носами какой-то важной синей корочкой. Пропуск был оформлен на другого человека. Он утверждал, что свой он переписал на сына. Допустим. Но где он, спрашивается, взял новый и чужой? Все понимали, что пропуск первого уровня достанется полицаю. И ему гораздо проще, чем нам смертным, пройти с ним на «ковчег». Но что можно было сделать? В отличие от бабки, толстяка никуда не увели. Видимо, у него была лишняя бутылочка воды...

Когда все стихло, снизу послышались жалобные всхлипывания. Ребенок лежал на боку, уткнувшись в железную перегородку.

– Ладно, послушай. Вылезай, прошу тебя. Мы скоро приедем. Обещаю. Все будет хорошо.

Я обещал, но был уверен, что не будет. А дети, они не как мы. Они совершенно точно чувствуют, когда им врут.

Через два часа туман стал прозрачнее. Но дымом пахло постоянно, и я к этому уже привык. Девочка сидела рядом молча и смиренно. Я даже не знал, как ее зовут. Зачем? Про-

сто девочка. Зайка. Если знать ее имя, тяжелее расставаться. Ведь мы похожи. У нас больше никого нет.

Поезд дернулся несколько раз, будто в конвульсиях. И встал с протяжным оглушительным гудком. Это было его последнее путешествие. Казалось, он как-то это тоже понял.

В городе, где летом частенько выпадал снег, в конце декабря было 28 градусов тепла. По крайней мере, не 45, как обычно. Это так чудесно, что просто не верится. И ветер почти свежий. Только комендант говорит – ненадолго. Горят сопки. Не здесь, еще далеко. Пару дней пути, если без ветра. Тушить нечем. Продовольствия мало, вода кончилась, лодок нет. Последние запасы погрузили на два корабля. Один уже отбыл.

– Только если плот сделать, но от дыма подохнуть можно, – объяснил комендант. – Погрузка без задержки. Поезд последний.

У коменданта звездочки на погонах. Кажется, майор. Пропуск второго уровня. Если повезет, возьмут на судно. Но это если очень-очень повезет.

– А много поездов пришло? – спросил я.

– Один. Мы только вас ждали. Вокзал закрывают.

– В смысле?

– По инструкции. Положено.

Что-то не верится. У нас и как положено. Интересно, есть ли какие-то инструкции по тому, как именно положено умирать через два дня.

По количеству людей, льющихся ручьями к порту, ясно: спасутся лишь избранные или наглые. Именно они поступали в лучшие вузы страны, только им давали самые высокие зарплаты и под них создавали лишние рабочие места. И вот теперь они (и странным образом, я вместе с ними) – надежда на будущее практически всей планеты. Я был рад, что мне удалось уберечь от беды этот долбаный спецпропуск. Ведь, по сути, если бы «оборотни» захотели его взять...

– Всё-всё! Конец! Теперь только новая жизнь. Да! – кричал кто-то на улице. По голосу тот самый, что плакал в вагоне.

У корабля выстроилась длинная очередь. И пока она двигалась, я внимательно его разглядывал. Он был староват для дальних путешествий. Понятное дело, что все лучшие давно покинули порт. Я мало разбирался в кораблях, но все-таки сообразил: это военное судно. Наверно, долго простояло в запасе. На носу зачем-то замазана красная звезда. Пушки демонтированы, но кое-что все-таки осталось. Забавно, что все уходящие суда теперь называли «ковчегами». Ной бы сильно удивился, если бы их увидел.

Очередь двигалась медленно, поскольку те, кому отказывали в спасении, не всегда желали это признавать.

– Как только это наступило, собрали свои чемоданчики и свалили кто куда, – возмущался один такой отвергнутый.

Он был так грязен, будто все эти годы жил в хлеву. К запаху человеческих нечистот я за это время уже привык. Хорошо пахли только дети.

– В Норвегию, в Канаду укатили. Да там не лучше, а даже хуже стало. За день смело половину населения. Как вам это нравится? Эти огненные смерчи – стечение типа обстоятельств, факторов... Да чушь это полная, ясно? Не факторы это. Это чистка, я вам говорю. Да только самая же дрянь спасается в первую очередь. У дряни же допуск «везде».

Я отвернулся. Своим допуском здесь светить явно не стоило.

Допустим – подумал я – а как же быть с теми, кто «везде» получил случайно? Порвать и выбросить из солидарности? Этот горластый гражданин первым перегрыз бы мне горло из-за него. Вот что самое обидное.

Люди не особо напирали. Корабль хорошо охранялся. По лицам «оборотней», выстроившихся у пропускного моста, было ясно: не дрогнет рука стреляющего... К тому же у моста, помимо проверяющих, они установили серьезный турникет. Я таких раньше не видел.

Метра полтора в высоту, с несколькими отверстиями по всей длине сверху и снизу. А из них скалятся железные штыри. Просто усовершенствованное орудие для пыток из музея мадам Тюссо. Видно, его сконструировали на очень скорую руку. Такой мог и покалечить ненароком. Но больше всего я опасался общей паники. Стоит только одному слететь с катушек, и «Ноев ковчег» никуда не тронется. Не поможет даже такой чудовищный турникет. Я это уже видел и не раз... Безумие заразно.

Когда до нас дошла очередь, где-то в глубине посуды что-то загнуло. «Оборотни» встали плотнее, и суетливее замахал руками контролер.

– Нет, только один! – жестко отрезал он, мельком глянув на мой пропуск.

– Да послушайте! Она же маленькая. Как я ее оставлю? – отбивался я.

В глубине души умирать мне не хотелось.

– Нет! Вы же знаете правила. Только один. Второго не пропустит машина. Следующий!

– Стойте! Ну-ка... – я наклонился к девочке и вручил ей пропуск. – Ты ведь умная, я это сразу понял. И должна слушаться старших...

– Я не пойду! Не пойду! Можно я останусь с тобой? – заплакала девочка.

– Послушай меня. Если ты не пойдешь, ты умрешь. Понимаешь? Так что не дури. Иди!

– Значит, я встречусь с моей мамой на небе? – наивно спросила девочка.

И с бабушкой, вероятно, тоже – подумал я.

– Не болтай глупости. Твоя мама очень хочет, чтобы ты выжила. Поняла?

– Следующий! – злобно вставил контролер.

– Откуда ты знаешь? Она сама тебе сказала? Когда?

– Да сколько можно! Уйдите с дороги!

Знакомый толстяк в рубашке и галстук оттолкнул меня в сторону, быстро вырвал пропуск из руки девчонки и опустил его в щель турникета. И прежде, чем я смог что-то крикнуть, просочился в него. Как я жалел, что у меня нет пистолета или хотя бы кирпича под рукой. Но как быстро и ловко он все это провернул! Во всеобщей суматохе, разумеется, никто за ним не погнался. Ведь контролер пообещал отплытие через десять минут.

А ну и фиг с ними. Пожалуйста, пусть плывут. И будет конец, и конец будет страшен. Пусть. Это уже всё равно. Вырвавшись из толпы, я присел на скамейку и издали наблюдал за происходящим фарсом. Девочка, так же, как в вагоне, кротко сидела рядом. Кто-то угостил ее пачкой сушеных бананов, и она с удовольствием ела их. На пирсе крутился наш знакомый дьяк. Он то заходил на мостик, то спускался в нерешительности. Мне надоело глазеть на него.

– Так устала, что даже не хочется бояться, – сказала девочка. – А банан – это полезный овощ?

Обхватив руками голову, я сидел и наблюдал, как отплывает последний «ковчег», и думал, что бы я мог еще сделать. Особо чувствительным я никогда не был. Но противно и неправильно, что вместо ребенка спасается какой-то сукин сын в галстук. Как можно было спасти девчонку? На нас тут же ошетинились «оборотни». Дула их автоматов я еще долго чувствовал за своей спиной. Дивно как-то. Воды нет, еда на исходе, а патронов – завались. Вероятно, они думали, что от горя я способен на сумасшествие. Во время апокалипсиса сложно оставаться человеком. Люди превращаются во что-то.

Я знал, что по всему миру сейчас вот так же уходили суда – последние Титаники цивилизации. Когда ты смотришь на это в кино или читаешь в книге, бывает неприятно до жути: а вдруг сбудется? Я лично терпеть не мог все эти дурацкие фильмы про плотоядных зомби или всемирное наводнение. Так вот, когда это происходит на самом деле, это не так ужасно.

В реальности слишком много серого. Оно притупляет воображение. До этого момента мне иногда даже нравилось то, что происходит. Да, эти мысли нельзя назвать нормальными. Но вся моя жизнь до жары была бессмысленным, никому не нужным сном. А сейчас просто нет времени на тупость и уныние. Никогда не знаешь, когда тебя достанет твой огненный смерч.

Говорят, что рано или поздно это обязательно случится. И ты просто вынужден бороться. Раньше я просто торчал в стеклянной коробке офиса, выполнял ненужную работу. Ни семьи, ни детей – это было не модно. Прогибался под мир, как мог. А ведь не в этом смысл. А если в этом, так и пускай весь этот мир летит ко всем чертям. Они уже давно готовы к встрече. Земля очистится от нас, и мир начнется с чистого листа. Конец света – это ведь совсем не страшно. Страшно то, что он мог не наступить.

Животных на корабле не брали. Люди бросали их, где придется. И я подумал: какое счастье, что у меня никого нет. Одного такого брошенного пса я заметил на железобетонном пирсе сразу. Тот никак не мог понять, бедный, как хозяин мог его оставить. Я бы не смог. Нет, не то чтобы я такой весь из себя супермен, но я бы не смог оставить.

Собака перестала выть, подошла прямо к самому краю пирса и приготовилась к прыжку. Глупый пес! Схватив девчонку за руку, я рванул к нему.

– Эй! Собака! Ко мне!

Пес повернулся и замер, как будто его и правда звали Собакой. Что я знал о золотистых ретриверах? Едят много... Этот был худой и грязный. Ошейник имел кожаный, из дорогих. На него я прицепил веревку на тот случай, если пес снова решит вплавь догнать «ковчег» или покончить жизнь самоубийством. Немного погодя мы направились в сторону морского вокзала.

Под крышей можно было спрятаться от раскаленного мурманского солнца. Чем кормить этих двоих? Зарубить что ли человека? Даже в шутку подумать об этом страшно. Но я знал: многие думали. И на собаку смотрели со странным выражением в глазах. Я же решил ее не отдавать ни за что, даже за воду. Она теперь моя, также как и девочка. Если все равно погибать, так всем троим и без угрызений совести.

Людей здесь осталось не очень много. И все какие-то побитые что ли. Бесперспективные – как бы выразился мой бывший начальник. Таких не берут в бизнесмены. Попадались и решительные лица, с почти благородным взглядом. Но все немолодые...

– Вот и все! Последний, – с облегчением вздохнул комендант.

Увидев его, я удивился. Мне казалось, что он уплыл вместе с «избранными». Одна рука у него была перебинтована, а в другой он держал бутылку с мутноватой жидкостью.

– Это спирт. Хотите?

– Нет, – быстро ответил я. – Корабль мог вместить больше.

– Конечно, мог. Но ведь это лишние рты. Все по пропускам. У вас разве не было? Я же видел вас в очереди. Без пропуска нечего и соваться.

– Был.

– Третий?

– Везде.

Комендант нахмурился.

– Что же вы здесь делаете?

– Да вот, решил остаться.

– А девочка?

– И девочка решила. И собака... А вы?

– А зачем? Там ведь ничего нет...

– В смысле?

– Сказки это все. Нет земли обетованной, – расхохотался комендант. – И мы оба это прекрасно знаем.

– Ни фиги я не знаю. О чем вы?

– Там ничего нет, – повторил комендант. – Кроме шторма и цунами.

– Почему вы никому не сказали?

– А зачем?

– Нет, послушайте, почему вы не сказали?

– Спокойно. Им же нужно во что-то верить перед смертью. Они погибнут, но зато с чувством выполненного долга.

– Да вы просто псих!

– Напрасно ты так... Они же сделали всё, что смогли, чтобы спасти себя. Разве это не прекрасно – себя спасти?

За последнее время я видел много сдвинутых и к этому практически привык. Но все же мне было неприятней, чем обычно.

– Откуда вы это знаете? Откуда вы знаете, что там ничего нет? Если вы здесь, а они там. Вы не можете этого знать.

– Догадался.

– Это не довод.

– Мы кое-что проверили с ребятами из центра изучения природных катаклизмов. Там больше ничего нет. Подрейфуют немного, затем повернут, а горячего нет... Его и так немного. А в море сейчас опаснее, чем на суше. Плыть некуда...

– И как давно вы это знаете?

– Пару дней.

– Вы... Как вы могли? Я же чуть... Вы ненормальный... – я даже начал задыхаться. То ли от осознания вины перед теми, кто уплыл, то ли от облегчения, что на последний «ковчег» девочка не попала. – Там же люди...

– Кого вы называете людьми? Этих на корабле? – усмехнулся комендант. – Где ваш пропуск?

– Неважно.

– У людей, наверное... Собака ваша?

– Да идите вы...

– Собака ваша?

– Нет.

– Хотите вернуть хозяев?

– Нет, – честно ответил я.

– Пусть плывут с пропуском «везде». Гарантирован пропуск только на тот свет.

В жизни никогда не видел, чтобы северное сияние было среди лета. Я вообще его никогда не видел. А по календарю – конец декабря. Девочка-зайка спала у меня на руках, а у ног лежала наша собака.

Дьяк бродил по бетонной набережной, опустив голову и перебирая пальцами. Думаю, он молился. Остался-таки. Вот и правильно.

Через два дня пришли пожары. Сгорел Североморск и Апатиты. Огонь подступил к Мурманску и... свернул. А еще через пять дней пошли дожди. Чистые и восхитительно мокрые. И тогда я спросил у девочки, как ее зовут.

Екатерина Белоусова

Родилась в 1981 году, в посёлке Менделеево (Московская область). Окончила в 2004 году юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Некоторое время проживала в Москве, работая по специальности, а в 2009 году переехала с семьёй в деревню в Тверской области.

С 2013 пишет прозу. Является постоянным автором газеты «Ржевские новости», публиковалась в газете «Ржевская правда», журналах «Космопорт» и «Уральский следопыт», литературном приложении к журналу «Мир Фантастики», альманахе «Порог-АК», коллективных сборниках. В 2015 году прошла в лонг-лист премии «Дебют» с подборкой рассказов. Также имеются победы в ряде других конкурсов.

– Коротко о себе, Екатерина?

– Мне очень нравится жить, удивляться и открывать для себя новое. Любимые дела, помимо сочинения историй, – собирать грибы и печь пироги.

– Хорошо. Коротко о вашей прозе?

– Пишу фантастику в разных направлениях: научную, социальную, городское фэнтези, мистику, магический реализм. Значительная часть произведений – о подростках. Рассказ «Забота о пользователе» – антиутопия о мире, управляемом мудрой Машиной, где нет места любви.

Забота о пользователе

Говорят, наши предки верили в высшие силы, богов, судьбу. Чушь, конечно, выдумки...

Говорят, раньше слова «честь, любовь, душа» обладали смыслом. До нас они дошли лишь в виде выражений «честное слово», «душевный разговор», «любимый, любимая» и других подобных. Это просто набор звуков, необходимый для активации некоторых функций Машины. И вовсе ничего большего, совсем ничего глубокого в них нет.

Я был уверен в этом до вчерашнего дня. До проклятой экскурсии, перевернувшей всё с ног на голову.

Экскурсии проходят регулярно и воспринимаются, как и всё, что предписывает нам Машина, не подлежащим сомнению. Мы же не будем спорить, когда личный терминал, который все носят на левой руке, сообщает нам о времени обеда, о выбранной для нас профессии, о партнёре, которого мудрая Машина определила нам для зачатия нового члена общества?! Тем более что после экскурсий пользователи возвращаются приободрённые, уверенные пуще прежнего в мудрости нашего общественного устройства и совершенстве нашего биологического вида.

Мы, населяющие самую спокойную планету, верим лишь в Великую Материю и полностью доверяем Машине – воплощению совершенного разума. В легенде о Создателе Машины говорится, что он был умнейшим учёным своего времени, и его интеллект, отшлифованный и преумноженный сложнейшими программами, лёг в основу искусственного интеллекта Машины. Определённо, Создатель был гений. Благодаря Машине, нашей хранильнице, общество живёт и развивается, и каждый из нас, пользователей, знает своё дело и получает всё необходимое для жизни. Система, порядок во всём, отсутствие переживаний, полное равенство биологических единиц нашего вида – вот составляющие преуспевающего общества. Иначе и быть не может, ведь базовое правило работы Машины есть забота о пользователе, о любом из них и обо всех сразу.

Сообщение об экскурсии пришло на мой терминал в середине дня, когда работа нашего Института биологии низших видов ещё вовсю кипела. Я воспринял известие как подобает – с радостной готовностью. Переместился в пространство космопорта через служебный передатчик материальных носителей информации.

В главном зале космопорта столпилось много пользователей. В ожидании конкретизирующего сообщения, которое позволит мне направиться к тому или иному кораблю, я стал рассматривать биологические единицы. Взгляд мой блуждал, пока не остановился на женской особи с рыжими волосами. Она стояла в стороне, видимо, так же, как и я, ожидая известия о пункте назначения. Лицо её я разглядеть не мог, особь что-то изучала на информационном табло. И почему-то в тот момент меня посетила недопустимая, вредная мысль – что наша встреча не случайна, что это не Машина распорядилась так, а... судьба. Да, я подумал о судьбе, в которую верили забытые предки, и сам ужаснулся своей мысли. Но, к счастью, поселиться сумбуру в моей голове не дал верный терминал. Вовремя, как и всё, происходящее по воле Машины, пришло сообщение: проследовать на посадку к кораблю номер тринадцать для совершения экскурсии.

Когда у тринадцатого мы оказались с рыжей особью вдвоём, и я увидел её лицо, то почти не удивился. Это была Лю-двадцать девять, одна из моих бывших партнёрш. Поскольку Машина подбирает партнёров по многим показателям, и совместимость в предпочтениях – одно из них, закономерно, что и экскурсию нам предстоит поделить. Хорошо бы, конечно, поделить и постель ещё раз, но таких повторов Машина не допускает. Она заботливо бережёт нас от привязанностей.

– Здравствуйте, Био-Эм-сто пятнадцать, – холодно поприветствовала меня Лю.

– Здравствуйте, Лю-двадцать девять, – я постарался ответить так же холодно, как и подобиает приличным пользователям, но внутренне торжествовал: она помнит моё имя.

– Вы знаете, куда именно мы летим?

– На одну из планет-зоопарков. Точное наименование мне пока неизвестно, – ответил я и уставился в терминал, надеясь на его поддержку.

Но терминал молчал. Зато к кораблю поспешно направлялись несколько высших пользователей: их можно было отличить по одежде с золочёными нашивками.

Приблизившись к нам, высшие замялись, принялись совещаться вполголоса, потом один из них выдал:

– Дорогие пользователи, планета-зоопарк, которую мудрая Машина рекомендовала вам двоим посетить, очень слабо изучена. Население её, хоть и разумно, но придерживается самых диких, самых отвратительных обычаев. Вам просто-напросто опасно отправляться в путь.

Другой же, едва дождавшись тишины, сказал:

– Машина никогда не ошибается. Раз она выбрала вас для экскурсии, значит, это наилучший вариант. Уверен, ничего с вами не случится.

Мы с Лю переглянулись.

– Я верю Машине и с радостью полечу. Тем более, я биолог, специалист по низшим видам, и новые знания от этого полёта могут пригодиться обществу, – сказал я.

– И я лечу. Уверена в безопасности маршрута, тем более наш отдел разработчиков как раз обслуживает алгоритм выбора экскурсий.

Я мысленно присвистнул. Оказывается, Лю близка к святыне – программам Машины.

Высший, который говорил первым, вновь завязал тихий спор со своими спутниками, а нам уже выдавали инструкцию, вещи и провожали к трапу.

– Они не вернуться. А если вернуться, то это будет ещё хуже, – слышалось сзади.

На миг я засомневался, взглянул на тёмный терминал. Спросил в никуда:

– А как называется эта планета-зоопарк?

Неожиданно мне ответили:

– Местные называют её Земля.

О самом полёте сказать нечего, я весь путь проспал. Правда, сны мне виделись ужасные: в них я то и дело нарушал установленную дистанцию между партнёрами. Конечно, в отношении Лю. Я прижимал её к себе, смотрел в глаза долго, гораздо дальше разрешённых пяти секунд. Я вдыхал её запах, касался пальцами, губами... И самое пугающее и приятное, что она отвечала мне тем же.

Несколько раз я просыпался в поту, но вид спокойно читающей что-то с терминала Лю успокаивал меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.